

А.И. САПОЖНИКОВ

ГРАФ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПЛАТОВ В 1813 ГОДУ

Январь 1813 г., несмотря на изгнание армии Наполеона за пределы России, был для Платова нерадостным. Его взаимоотношения с главнокомандующим князем Кутузовым оставались натянутыми. В декабре 1812 г. в Вильно приехал Александр I, начались чествования генералов и щедрая раздача орденов, но атамана туда не пригласили. Настойчивые просьбы о встрече с императором для обсуждения военных дел остались без ответа, вместо этого он получил выговор за длительную остановку в Ковно и приказ продолжать преследование неприятеля в Пруссии. Многомесячная кампания изнурила казачьи полки, Платов просил дать им отдых. Но все было тщетно.

Жертвовать казаками атаман не хотел, видя в них своих земляков, а не «пушечное мясо». Полки войска Донского формировались по территориальному признаку – из одной или соседних станиц, и в них очень сильно было развито чувство локтя, в одном строю служили родственники и станичники, знакомые с детства. Войсковой атаман знал лично всех командиров полков. В регулярных частях, формировавшихся за счет рекрутских наборов, ситуация была принципиально другой, и командиры могли себе позволить не считаться с потерями ради выполнения приказа. Не случайно офицеры регулярной армии часто критиковали действия Платова и командиров казачьих полков, желавших сохранить жизни казаков. Вот что писал А.П. Теслев, обер-квартирмейстер корпуса Ф.Ф. Штейнгейля, в частном письме в самом начале января 1813 г.: «Мы самыми форсированными маршами шли до Мариенбурга без малейшего сопротивления, ибо неприятель бежал весьма скоро. Когда мы пришли в Прейсиш-Эйлау, тогда говорили, что П[латов] с казаками идет вслед за нами, но сей казак вздумал остаться на две недели в Ковне, для разделения сокровищ, частью от неприятеля, а большею частью от обывателей заграбленных. Под Эльбингом он с нами соединился и без всяких дальностей так принял нас в руки, что без нас не хочет делать ни шагу. Образ преследования его, сколько я заметить мог, весьма странен. Он с места не тронется, если неприятель не ретируется, и даже тогда в пустые города входит через 5 и 6 часов. В Мюльгаузене не посмели два це-

лых казачьих полка атаковать 100 рейтаров французских; они сами признаются, что они слишком богаты, чтобы ввергаться в опасности»¹.

Еще одним поводом для недоразумений между Платовым и русским командованием стала проблема грабежей. В 1812 г., в период отступления русской армии, от казаков требовали уничтожать после себя все запасы продовольствия, средства передвижения и переправы, чтобы преследователи не могли ничем воспользоваться. Достаточно вспомнить строки, посвященные донскому атаману и его казакам, из «Певца во стане русских воинов», описывающие их действия:

Но лишь к лесу – ожил лес,

Деревья сыплют стрелы!

Они лишь к мосту – мост исчез!

Лишь к селам – пышут селы!

В.А. Жуковский восторгался разрушениями переправ и пожарами в селах – делом рук преимущественно казаков, составлявших арьергард русской армии. В период контрнаступления от них требовали опережать колонны противника и опять же все уничтожать, чтобы замедлить его отступление.

Подобные действия на территории сопредельного государства, в котором видели будущего союзника, были неприемлемы. Грабежи строжайше запретили приказами по армии, корпусам и полкам. Атаман разослал командирам полков приказ, которым предписывал: «Бога ради прошу вас наистрожайше подтвердить всем подчиненным вашим, чтобы жителям ни малейшего оскорбления сделано не было и самим для продовольствия ничего не брать, а требовать законною дачею от них, дабы не навесить и против нас огорчения, отчего по политическим делам последует расстройство и от главного начальства строжайшее за сие взыскание, и до сего, благодарение Богу, жители все к нам усердны»².

Однако отказаться от уже привычного образа действий, при запаздывании продоволь-

¹ Письмо А. П. Теслева к Теслеву от 5 января 1813 г. // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 438.

² Приказ М.И. Платова генерал-майору А.В. Иловайскому 3-му от 5 января 1813 г. // *Материалы к истории Дона.* Новочеркасск, 1900. С. 79.

ствия и фуража, казаки сразу не смогли. В результате атаман получил выговоры от главнокомандующих Кутузова и Чичагова, в армии последнего он оказался в период контрнаступления, не будучи к ней формально причислен.

Помимо служебных неурядиц, у Платова были тяжелые семейные обстоятельства. В письме к своему другу лейб-медику Я. Виллие он жаловался: «Я грустен по моим домашним обстоятельствам и здоровьем не так хорош. Сын мой большой в горячке жестокой»³. Под домашними обстоятельствами подразумевалась смерть жены Марфы Дмитриевны, умершей 24 декабря 1812 г. в Новочеркасске. Старший сын Матвей (1793–1815), находившийся вместе с отцом в действующей армии, не отличался крепким здоровьем. Платов всячески способствовал его успешной карьере: в двадцать лет он получил чин генерал-майора, но он не мог наградить сына здоровьем. Матвей Матвеевич умер вскоре по окончании заграничных походов.

Еще в декабре 1812 г., чтобы подвинуть атамана к большей деятельности к нему прикомандировали генерал-адъютанта А.И. Чернышева. Вскоре этот молодой, активный генерал предложил главнокомандующему создать из полков Платова три летучих корпуса⁴, в чем просматривались и честолюбивые намерения. В первой половине января 1813 г., когда атаман блокировал Данциг, под его командой находились 23 полка и две роты донской конной артиллерии. Воспользовавшись задержкой под этой мощной крепостью, он отстал от армии Чичагова, отношения с которым у него не сложились. Осада Данцига неминуемо должна была растянуться на несколько месяцев, и держать там казачьего генерала было неразумно. Сложившейся ситуацией воспользовался Кутузов, и 17 января атаману было отправлено письмо следующего содержания: «Государь Император приглашает вас в Главную Его Императорского Величества квартиру, которая с 25-го сего месяца быть имеет в Плоцке. При личном с вами свидании Его Величество желает переговорить с Вашим Сиятельством касательно Донского войска и поблагода-

рить вас за все подъятые труды в сию кампанию»⁵.

25 января 1813 г. Платов сдал команду старшему в чине генерал-майору А.В. Иловайскому 3-му⁶. Вскоре из казачьих полков создали три летучих корпуса, под командой молодых генерал-майоров Чернышева, Бенкендорфа и Тетенборна.

В Главной квартире Платов приложил много усилий для того, чтобы действия корпуса в Отечественную войну были должным образом оценены. 19 февраля 1813 г. он подал Кутузову рапорт о преследовании французской армии от Малоярославца до Данцига с приложением списка отличившихся генералов и офицеров. Составил этот документ человек, хорошо владеющий пером, а отредактировал лично атаман. В основном правка сводилась к увеличению заслуг корпуса: брошенные французами орудия превратились в отбитые, а оставленные города – во взятые с боем⁷. В окружении Платова находился литератор, сотрудничавший с журналом «Русский вестник» с 1810 г., который, вероятно, и составил этот рапорт. Им был подполковник А.Г. Краснокутский (1781–1841), родной брат С.Г. Краснокутского – будущего декабриста, потомок запорожских казаков, прикомандированный к Платову 2 декабря 1812 г. Краснокутский сумел быстро завоевать расположение атамана, что отразилось на его карьере: он стал кавалером нескольких русских и иностранных орденов, 20 февраля 1813 г. получил чин подполковника, 16 сентября – полковника.

В сентябре 1813 г. в Москве, без указания автора, вышла книга, представляющая собой расширенный вариант этого рапорта⁸. Судя по содержанию, она была написана во время Рейхенбахского перемирия офицером из окружения Платова. И на этот раз самым вероятным автором является А.Г. Краснокутский, находившийся при Платове в этот период, участвовавший в неформальном кружке военных историков, где

⁵ Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954. С. 304.

⁶ Рапорт графа М.И. Платова князю М. И. Кутузову от 25 января 1813 г. // Материалы к истории Дона. С. 88.

⁷ Рапорт М.И. Платова к М.И. Кутузову от 19 февраля 1813 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 286. Л. 2–16.

⁸ Граф Платов или подвиги донских воинов. М., 1813. Цензурное разрешение от 9 сентября 1813 г.

³ Письмо графа М.И. Платова к Я.В. Виллие от 26 января 1813 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 681.

⁴ Рапорт А.И. Чернышева князю М.И. Кутузову от 10 января 1813 г. // Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сб. док. М., 1964. С. 31–33.

обсуждались будущие исторические труды о войне 1812 года⁹. Анонимность издания, вероятно, вызвана тем, что Платов в этой книге назван спасителем Отечества, а подобные дифирамбы начальнику во все времена считались дурным тоном.

Спустя два месяца там же в Москве вышла еще одна анонимная книга «Увенчанные победы графа Платова и храбрых казаков»¹⁰. На ее титульном листе было указано: «Известие, взятое из достоверных политических авторов». В отличие от первой книги, здесь рассказывается о многих героях, в том числе и не имеющих отношения к корпусу Платова: графе Орлове-Денисове, полковниках Родионове 2-м, Иловайском 12-м, князе Кудашеве, князе Вадбольском, Исаеве 2-м, Бенкендорфе, Сиверсе, Чернышеве, подполковниках Давыдове и Чернозубове 8-м, штабс-капитане Фигнере, капитане Сеславине, сотнике Юдине, уряднике Филатове.

Платов внимательно следил за тем, чтобы заслуги казаков получили широкую известность. Встретив в Калише Ф.Н. Глинку, он просил его передать своему брату С.Н. Глинке, редактору журнала «Русский вестник», просьбу об издании книг, посвященных казакам. Разоренный московским пожаром Глинка с радостью принял заказ, который, по его собственному признанию, позволил поправить расстроенные дела¹¹. Книга о донцах, представляющая собой сборник статей из «Русского вестника», вышла в 1813 г. двумя изданиями¹². Столкнувшись с недостатком сведений, Глинка обратился за содействием к Краснокутскому, знакомому ему прежде, и, начиная со второй половины 1813 г., в «Русском вестнике» регулярно появляются его статьи или присланные им документы¹³. Очевидно, в результате этого сотрудничества появились и две упоминаемые выше анонимные книги, вышедшие в Москве.

В последующем Платов продолжал следить за освещением действий его корпуса. В ноябре 1813 г. он писал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву, редактировавшему газету «Северная почта», следующее: «Пользуясь расположением ко мне Вашего Превосходительства, я должен искренно признаться пред вами, что действия мои против неприятеля, в прошлом 1812 году бывшие, хотя о каждом подробно доносимо было от меня покойному Главнокомандовавшему армиями, коему и лично было о них известно, по каким-то причинам к обиде моей, не были доводимы до сведений Российской публики, как и Отечества нашего; а некоторые не вносимы были даже и в общий воинский журнал. Но я, по крайней мере, утешаюсь тем, что известно о них по Армиям. Теперь предусматривая то же, потому что и из числа дел в настоящую компанию мною деланных, некоторые только вносятся в журнал, а о многих умалчивается и не доводится до сведений публики нашей, я доставляю при сем к Вашему Превосходительству точную копию с донесения моего, каково подано от меня Главнокомандующему армиями, о делах с неприятелем бывших, по Высочайше возложенной на меня экспедиции, от границ Богемии до Рейна, донесение сие заключает в себе журнал всех действий военных части войск, под начальством моих состоящих, и покорнейше Ваше Превосходительство прошу о приказании поместить из одного то, что нужно будет по вашему благорассмотрению, в ведомостях для сведения публики»¹⁴.

Сумел добиться атамана и официального признания заслуг донского казачества. 13 апреля 1813 г. в Дрездене Александр I подписал Высочайший манифест «с изъявлением Монаршей признательности Войску Донскому за его заслуги в Отечественную войну», в котором, в част-

⁹ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 152.

¹⁰ Увенчанные победы графа Платова и храбрых казаков. М., 1813; 2-е изд. М., 1814. Цензурное разрешение от 3 ноября 1813 г.

¹¹ *Глинка С.Н.* Записки. М., 1895. С. 298.

¹² *Глинка С.Н.* Вера, верность и слава донцов. Из «Русского вестника» прошедших и сего 1813 года. 1-е изд. М., 1813; 2-е изд. М., 1813. Посвящение графу Платову датировано 17 апреля 1813 года, что свидетельствует об оперативности С.Н. Глинки.

¹³ *Краснокутский А. Г.* Уважение англичан и других народов к деяниям графа М.И. Платова // *Русский вестник*. 1813. № 8. С. 113–117; *Разговор войскового атамана графа Платова с донским генерал-лейтенан-*

том Иловайским 5 и генерал-майором Карповым // Там же. № 9. С. 51–58, 61; Разговор с Наполеоном войска Донского Кутейникова 8-го полка хорунжего Попова // Там же. № 10. С. 66–75; Перечень из письма англичанина Людвиг Голдсмита к графу Платову // Там же. № 11. С. 64–82; Подробное известие о пребывании донского казака в Лондоне, рассказанное самим донцом графу М.И. Платову и написанное дежурным его подполковником А.Г. Краснокутским // Там же. 1814. Кн. 1. С. 66–86; Подвиги Донских войск в Отечественную войну тысяча восемьсот двенадцатого года // Там же. Кн. 2. С. 7–97.

¹⁴ Письмо графа М.И. Платова к О.П. Козодавлеву от 27 ноября 1813 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 948. Л. 1–2.

ности, говорилось: «Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, тако же и сподвизавшихся с ним всех войска сего храбрых генералов, офицеров и всех вообще донских урядников и казаков, много способствовали к преодолению великих сил неприятельских и к одержанию над ними полных и знаменитых побед»¹⁵. 8 октября 1813 г. Александр I наградил георгиевскими знаменами с надписью «За отличную храбрость и поражение неприятеля в Отечественную войну 1812 года» четыре донских полка из корпуса Платова – Власова 3-го, Грекова 18-го, Иловайского 11-го и Жирова.

Пребывание не у дел тяготило атамана, несмотря на удачное разрешение, благодаря нахождению в Главной квартире, некоторых войсковых дел. Например, значительно было сокращено количество донских полков на Кавказской линии¹⁶. 26 февраля, будучи в Калише, он писал своему давнему знакомому, с которым еще в 1797 г. сидел под арестом в Зимнем дворце, а теперь управляющему Военным министерством, князю А.И. Горчакову: «Дружеские ваши изъяснения, касательно наших военных подвигов, весьма лестны и справедливы; свет нынешний вам довольно известен, следовательно, во временном житии спокойствие духа быть не может; искоренить пристрастных завистников невозможно, что меня также трогает и делает неудовольствие при всех моих неусыпных трудах. О, проклятая интрига, когда она исчезнет? Я исполнил долг Веры, обязанность к Государю и уверенность к любезному нашему Отечеству, – вот единственные предметы, к коим всегда мои желания стремятся»¹⁷.

Будучи в Главной квартире, Платов участвовал в дипломатических встречах. 21 марта ему поручили встретить прусского короля по дороге в Калиш, куда он ехал для свидания с Александром I. Когда прусский король узнал, что на Силезской границе его встречает граф Платов, он приказал ехать быстрее и, увидев атамана, вышел из коляски, обнял его и поцеловал, сказав при этом: «Граф, берегите себя для блага Отечества и для спасения угнетенной Европы»¹⁸.

¹⁵ *Лишин А.А.* Акты, относящиеся к истории войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 3. С. 248–249.

¹⁶ Записка графа М.И. Платова о донских полках на Кавказской линии, 23 февраля 1813 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 798. Л. 8–9.

¹⁷ Русский архив. 1871. № 1. Стб. 154.

¹⁸ *Глинка С.Н.* Записки. С. 264.

По заключении перемирия Платов уехал лечиться на курорт в Силезию. Новому главнокомандующему Барклаю де Толли, обратившемуся к нему как председателю в совете думы ордена Св. Георгия с просьбой утвердить списки награжденных офицеров, Платов отказал, сославшись, что уволен с разрешения императора «по слабости здоровья, для пользования себя к Ландекским минеральным водам»¹⁹. Оба генерала прекрасно помнили, как год назад в Смоленске, в присутствии других генералов, атаман гневно бросил в лицо Барклаю: «Я никогда больше не надену русский мундир, ибо носить его теперь позорно». Прошлые обиды стояли между ними, Платов вновь оказался в незавидном положении и можно только удивляться, с какой стойкостью он выдерживал конфронтацию с главнокомандующими (Кутузовым, Чичаговым, Барклаем де Толли).

8 июля был отдан приказ по армиям о распределении казачьих полков. В нем говорилось, что «для лучшего порядка и устройства при армии казачьих полков» следует, «чтоб оные в армии и каждом корпусе или отряде управляемы были особыми начальниками из чиновников сего же войска»²⁰. Командиры казачьих полков подчинялись непосредственно командиру корпуса, в котором находились, выполняя повеления войскового атамана только по внутренней службе. Назначал командиров полков войсковой атаман, а утверждал главнокомандующий²¹. В этом приказе нет ни слова об отдельном казачьем корпусе под командой войскового атамана.

11 сентября Александр I приказал составить отдельный корпус из семи казачьих полков для партизанских действий в тылу неприятеля, независимо от движений Главной армии. Возглавить его предложили Платову²², и он согласился, несмотря на малочисленность команды. Правда, атаман практически сразу стал жаловаться на

¹⁹ Черновик письма графа М.И. Платова к М.Б. Барклаю де Толли от 10 июля 1813 г. // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 293. Л. 46.

²⁰ Впрочем, этот приказ впоследствии не выполнялся, и достаточно часто командирами казачьих отрядов и полков назначали офицеров регулярной армии (Ф.К. Гейсмар, А.П. Берхман и др.).

²¹ Приказ по армиям от 8 июля 1813 г. // Материалы к истории Дона. С. 91.

²² Письмо князя П.М. Волконского к графу М.И. Платову от 11(23) сентября 1813 г. // Материалы к истории Дона. С. 95.

«малоимение у меня войск, коих всего менее двух тысяч человек»²³. Первоначально корпус состоял даже не из семи, а из шести полков:

- 1) Атаманский;
- 2) Костина;
- 3) Чернозубова 5-го;
- 4) 1-й Тептярский;
- 5) Чикилева 1-го;
- 6) Черноморский казачий²⁴.

16 сентября в бою под Альтенбургом корпус Платова нанес сокрушительный удар отряду французского генерала Ш. Лефевра-Денуэта, защищавшему коммуникации армии Наполеона. Авангардом Платова в этом бою командовал генерал-майор, князь Н.С. Кудашев (1784–1814), получивший спустя три недели смертельное ранение в Лейпцигском сражении. Казаки действовали совместно с корпусом волонтеров генерал-лейтенанта И.А. Тилемана, состоявшим из прусских и венгерских гусар, австрийской легкой кавалерии и двух казачьих полков. Об одержанной победе Платов рапортовал не только Барклаю де Толли, но и прусскому королю Фридриху Вильгельму, желая придать ей европейское звучание²⁵.

Австрийский император пожаловал атаману за это сражение орден Св. Марии-Терезии 3-й степени, награду незначительную для полного генерала. Платов, обидевшись, хотел отправить знаки ордена обратно, но не сделал этого, «чтобы не нарушать согласия, существовавшего между их кабинетом и нашим»²⁶. На ношение иностранного ордена требовалось разрешение Александра I, и атаман подал прошение по команде. Барклай де Толли не удержался и сделал в рапорте императору приписку: «в деле по болезни вовсе не находился»²⁷. В то время как атаман хотел отказаться

от малозначительной награды, главнокомандующий считал, что он ее не достоин. Это достаточно красноречиво свидетельствует об отношениях между ними. Все же разрешение на ношение ордена было получено²⁸.

Как оказывается, Александр I, в свою очередь, собирался наградить Платова орденом Св. Андрея Первозванного, и даже был подготовлен соответствующий рескрипт²⁹. Но мнение Барклая сыграло свою роль, и вместо ордена атаман получил рескрипт с выражением благодарности и пожеланием более активных действий³⁰.

Платов прекрасно знал, насколько не расположен к нему главнокомандующий. Вот что он писал Я. Виллие: «Чем далее, то явное открывается недоброжелательство от некоторых ко мне, и, как вижу, зло желают мне; но не удастся сие им жало сотворить. Бог мне помощник и покровитель. Я беру меры ко всей осторожности, чтоб им не восторжествовать в намерении их. Слава Богу, хотя с малым корпусом моим, а успех идет хорош»³¹. В дальнейшем атаман начинает ссылаться на свидетельства других генералов, которые могут подтвердить его личное участие в том или ином сражении.

Уже после смерти Платова стали появляться генералы, желавшие приписать себе одержанные атаманом победы. Например, спустя четверть века Д.В. Давыдов утверждал, что под Альтенбургом именно он спас корпус Платова от неминуемого поражения³². Австрийские военные историки считают эту победу заслугой Тиллемана и Менсдорфа, упоминая о Платове только мельком³³.

4–6 октября корпус Платова участвовал в «битве народов» при Лейпциге. На тот момент

²³ Поход русской армии... С. 296.

²⁴ *Богданович М.И.* История войны 1813 года за независимость Германии. СПб., 1863. Т. 2. С. 338. 132/1819–2.

²⁵ Рескрипт прусского короля Фридриха Вильгельма графу М.И. Платову от 4 октября 1813 г. // ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 419. Л. 146. Атаман был, вероятно, единственным русским генералом, состоявшим в многолетней переписке с европейским монархом, начало которой относится к 1807 г.

²⁶ *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1814 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 488. № 10. Л. 315.

²⁷ Рапорт М.Б. Барклая де Толли императору Александру I от 27 сентября 1813 г. // РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 55. Л. 34.

²⁸ Письмо М.Б. Барклая де Толли графу М. И. Платову от 10 октября 1813 г. // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 293. Л. 15.

²⁹ Черновик рескрипта графу М. И. Платову от 20 сентября 1813 г. // ОР РНБ. Ф. 488. № 57. Л. 26.

³⁰ Рескрипт графу М.И. Платову от 20 сентября 1813 г. // Письма к кн. М.Л. Кутузову, гр. М.И. Платову, М.П. Дохтуровой и гр. П.Х. Витгенштейн. 1812–1813 гг. М., 1911. С. 7–8.

³¹ Письмо графа М.И. Платова к Я.В. Виллие от 25 сентября 1813 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 682.

³² Письмо Д.В. Давыдова к А.И. Михайловскому-Данилевскому от 30 марта 1835 г. // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 2. С. 151.

³³ См.: *Weil M.-H.* Campagne de 1813. La cavalerie des armées allies. Paris, 1886.

он состоял из трех бригад (по три полка в каждой), которыми командовали генерал-майоры Н.В. Дехтерев, князь А.Ф. Щербатов и П.С. Кайсаров. В корпус входили следующие полки:

- 1) Атаманский;
- 2) Костина;
- 3) Иловайского 10-го;
- 4) Ягодина 2-го;
- 5) Чернозубова 5-го;
- 6) 1-й Тептярский;
- 7) Чикилева 1-го;
- 8) Черноморский казачий;
- 9) 3-го Оренбургский;
- 10) 11-го Башкирский;
- 11) два эскадрона венгерских гусар;
- 12) два эскадрона австрийских драгун³⁴.

В первый день сражения корпус находился на правом крыле Главной армии союзников, и когда неприятельская кавалерия атаковала австрийский корпус графа Кленау, казаки ударили ей во фланг и гнали до самых батарей.

Ночью 5-го числа по приказу Платова полковник Ягодин 2-й со своим полком и частью Атаманского полка совершил ночной рейд в с. Замерфельд. В результате рейда было пленено 100 человек. 6 октября корпус Платова, атаковав неприятеля у того же селения, принудил сдаться в плен вюртембергскую кавалерийскую бригаду генерала Нормана и шесть батальонов саксонской армии с 22 орудиями.

В своих рапортах о действиях корпуса во время сражения Платов ссылается на генералов Л.Л. Беннигсена, И. Кленау и шведского наследного принца. Это кажется неправдоподобным, но из Главной квартиры послали Беннигсену письменный запрос с просьбой подтвердить действия Платова! Тот не только подтвердил участие атамана в сражении, но и высоко оценил действия его корпуса³⁵. Эта проверка, вероятно, была вызвана утверждениями, что казачьим корпусом во время сражения командовал П.С. Кайсаров³⁶.

Вечером 6 октября Платову приказали отрезать неприятелю отступление, заняв дорогу из Лейпцига в Вюртемберг близ Дюбена. Приказ об

этом доставил флигель-адъютант граф Л. де Рошешуар, описавший в своих мемуарах эту поездку в казачий лагерь: «Я нашел атамана в селении, еще догоравшем; он пил чай на развалинах большой усадьбы. Узнав о прибытии флигель-адъютанта, он, генерал, отвесил мне, подполковнику, низкий поклон и важно спросил: «Что приказывает царь?». Я передал ему приказание, он, по-видимому, не мог его понять, но полковник Генерального штаба, состоявший при его особе, уверил меня, что переданное мною распоряжение будет исполнено. «Мы вместе предупредим генерала Беннигсена», – добавил атаман, – «я не лягу, пока все не будет исполнено; а теперь напьемся чаю». Я с большим удовольствием выпил пять или шесть чашек прекрасного чаю с ромом и истребил большое количество баранок, так что вполне утолил голод. Ром, выпитый атаманом донских казаков, должно быть ударил ему в голову, он развеселился через меру. Я встал, надеясь, что мне удастся уехать одному, чтобы предупредить генерала, но не тут-то было: «А как же наша поездка к генералу Беннигсену? Едем вместе, вы сами объясните ему приказ о выступлении казаков». «Подать коляску», – крикнул атаман громовым голосом, – «и отвезти нас к генералу Беннигсену». Через три минуты была подана открытая коляска, запряженная по-русски шестеркой лошадей: казак на козлах правил четверкой, а парой выносных управлял казак, скакавший на правой лошади. Отборная сотня, образовавшая конвой атамана, окружила коляску. У каждого в руках был зажженный факел. «Ступай напрямик, да смотри, не оберни, не то берегись», – таково было наставление кучеру. Полковник сидел против меня, я спросил его: «Вам известно, где генерал?» «Нет, будьте уверены, что казаки нас доставят прямо к нему, положитесь на их сообразительность и на милость Божию!» Я до сих пор не могу себе дать отчета, какой дорогой мы ехали, то через поля, то через рытвины, заборы, рвы, не останавливаясь на толчках и на препятствиях, встречавшихся на каждом шагу; ветви деревьев сбивали с нас шапки, царапали лицо, глаза слепил блеск факелов среди темной ночи. Наконец через час такой бешеной скачки мы прибыли в селение, где находился генерал Беннигсен. Атаман спал глубоким сном, несмотря на толчки, подбрасывавшие экипаж»³⁷.

³⁴ Жиров М.С. Участие Донских полков в боях под Лейпцигом 4–6 октября // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12. С. 30.

³⁵ Жиров М.С. Указ. соч. С. 38.

³⁶ Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 40.

³⁷ Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. М., 1914. С. 238–239.

В рассказе де Рошешуара много любопытного, но одна деталь заслуживает особого внимания – роль офицера Генерального штаба, находившегося при Платове, фактически управлявшего действиями корпуса. Какова же была организация управления в казачьем корпусе осенью 1813 г.? Она значительно отличалась от армейских корпусов, действовавших на основании «Учреждения для управления Большой Действующей Армии». Многие должности Корпусного штаба армии, такие, как начальник штаба, оберпровиантмейстер, обер-вагенмейстер, в казачьем корпусе отсутствовали.

Во главе корпуса находился войсковой атаман. Корпус состоял из трех бригад, по три полка в каждой, командирами которых были, как правило, генералы регулярной армии (князь Щербатов, Кайсаров, князь Кудашев, Дехтерев)³⁸. При этом на старшинство донских генералов внимания не обращали или поручали им отдельную команду, например, генерал-майорам П.М. Грекову 8-му и О.В. Иловайскому 12-му. Командирами казачьих полков были, как правило, офицеры войска Донского.

Ключевые роли в управлении корпусом играли корпусной обер-квартирмейстер, дежурный штаб-офицер корпуса и старший адъютант.

Обер-квартирмейстером корпуса в 1812–1814 гг. был полковник Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части Александр Иванович Тарасов (род. 1786). В начале 1812 г. тогда еще капитан-квартирмейстер Тарасов был откомандирован в корпус Платова, в ноябре он получил чин подполковника, в июне 1813 г. – полковника. Вероятно, де Рошешуар упоминает в мемуарах об этом офицере.

Должность дежурного штаб-офицера корпуса в 1812–1814 гг. занимал полковник лейб-гвардии Конного полка Иван Яковлевич фон Шперберг (1770–1856). Лифляндский дворянин, боевой офицер, отличившийся во многих сражениях, участвовал в военных действиях в Польше в 1792 г., Персидском походе 1796 г., Итальянском походе 1799 г., войнах 1805, 1806–1807 гг. В самый сложный период отступления русских армий, 23 июня 1812 г., император отправил Шперберга к Платову в качестве дежурного

штаб-офицера корпуса. Он принимал участие в сражениях при Мире, Романове, Молево Болоте и Бородине. 27 августа под Можайском Шперберг был контужен и только в августе 1813 г. вернулся в корпус. За кампании 1813–1814 гг. он получил четыре иностранных ордена и чин генерал-майора.

Как войсковой атаман, Платов держал при себе дежурного штаб-офицера, хотя формально не имел на это права, поскольку данная должность была утверждена только в 1818 г.³⁹ Им был уже упоминаемый выше офицер-литератор Александр Григорьевич Краснокутский, находившийся при Платове в течение всего 1813 г., включая пребывание в Главной квартире и лечение на курорте⁴⁰. Кроме этого войсковому атаману полагались три адъютанта из офицеров войска⁴¹. Старшим адъютантом и начальником походной канцелярии атамана был подполковник Семен Данилович Лазарев (1779–1816), служивший в канцелярии с 1803 г. Его можно назвать правой рукой атамана, поскольку им написан текст многих документов, подписанных Платовым. В литературе можно встретить упоминания, что обязанности дежурного штаб-офицера при Платове исправлял донской писатель-самородок Евлампий Никифорович Котельников (1774–1854). Но еще в 1803 г. его разжаловали из есаулов в казаки и он служил в канцелярии простым писарем. Ему вернули чин позднее, в 1814 г., после выхода в свет двух сочинений, посвященных Платову⁴².

В свите Платова находились и другие гвардейские офицеры, которым он поручал ответственные задания. Из них наиболее известны ротмистр лейб-гвардии Уланского полка Ф.К. Гейсмар и капитан лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Берхман. С их именами связаны многие успешные дела корпуса в 1813–1814 гг.

7 октября Платов получил лично от императора новый приказ: отправиться в Веймар и защитить семью сестры Александра I принцес-

³⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 35. № 27587.

⁴⁰ Его сын Николай Александрович был войсковым наказным атаманом на Дону в 1874–1881 гг. Вероятно, при этом назначении учли и службу отца при легендарном Платове.

⁴¹ ПСЗРИ. Т. 30. № 23491.

⁴² Котельников Е.Н. Отрывок занятий на малом досуге донского казака Евлампия Котельникова. Варшава, 1814; Продолжение занятий на малом досуге. Варшава, 1814.

³⁸ Князь Кудашев приходился зятем Кутузову, а Кайсаров был правителем его канцелярии, однако осенью 1812 г. они перешли из Главной квартиры в корпус Платова. Вероятно, служба при атамане обещала большие награды.

сы Саксен-Веймарской, великой княгини Марии Павловны. Сама она находилась при Главной квартире армии союзников, но дочь, муж и тесть оставались в Веймаре. Атаман послал туда казачий полк подполковника Костина во главе с ротмистром лейб-гвардии Уланского полка бароном Ф.К. Гейсмаром, знавшим язык и местность. Полк прибыл в Веймар вечером 8 октября. Платов не хотел упустить возможности отличиться и тоже направился в Веймар, несмотря на приказы главнокомандующего, предписывавшие ему уничтожить мосты через реку Унштруте. 8 октября Барклай послал ему два приказа об этом: или уничтожение мостов было делом архиважным, или же главнокомандующий не хотел, чтобы атаман попал в Веймар. Атаман отправил жечь мосты генерал-майора Иловайского 12-го, пока главнокомандующий писал на него жалобы императору, в очередной раз отличился⁴³.

Платов вполне справедливо рассудил, что занятие столицы немецкого герцогства для него лично более важно, нежели уничтожение нескольких мостов, и не выполнил приказы главнокомандующего.

Наполеон послал в Веймар кавалерийский отряд генералов Лефевра-Денуэта и Красинского с намерениями, так и оставшимися до сих пор непроясненными. О событиях, происходивших в Веймаре 10 октября, атаман рассказал не только в победной реляции Александру I, но и в письме его матери, императрице Марии Федоровне: «10-го числа сего месяца в первом часу пополудни, лишь только приблизился я к Веймару, вдруг неприятель в самое то время с северной стороны ворвался в город, приблизился к герцогскому дворцу, с намерением нащел герцога и фамилии его, и для разграбления города; но Бог, спешествующий великим намерениям Всемиловейшего Государя Нашего, помог мне при сем жестоком сражении среди городских улиц выбить его из города и прогнать с поражением более мили от Веймара. Город защищен и спасен от грабительства неприятельского. О чем достоверно известно будет Вашему Императорскому Величеству. После отражения неприятеля имел я честь быть в доме герцога Веймарского, угощаем был им и наследным принцем хлебом-солью, и к совершенному удовольствию моему видел любезнейшую внучку Вашу, Всемиловейшая Государыня, поцеловал ее с моим усер-

дием в руку и в чело; потом в ночь преследовал неприятеля до Эрфурта и далее чрез Готу и Эйнах»⁴⁴.

В тот же день Платову были посланы знаки ордена Св. Андрея Первозванного. Интересно, что рескрипт на этот орден историкам до сих пор разыскать не удалось, в архивах отыскалось только сопроводительное письмо князя П.М. Волконского⁴⁵. Именно этот день стал звездным часом атамана в осенней кампании 1813 г.

Дальнейшее преследование армии Наполеона напоминало его бегство из России. На своем пути он ежедневно терял союзников, немецких влиятельных герцогов и князей, и, достигнув границ Франции, сохранил только половину армии. Платов, двигавшийся в авангарде, ежедневно брал пленных, а точнее отколовшихся от Наполеона бывших союзников, целыми батальонами и полками. Он даже получил предписание постараться захватить в плен самого Наполеона⁴⁶.

11 октября, будучи в Эрфурте, атаман отправил капитана лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Берхмана с партией казаков установить связь с баварским корпусом Вреде, движущимся через Вицбург. Только 18 октября эта связь была установлена, причем Берхман во время своей экспедиции сумел взять на капитуляцию небольшую крепость Кенигсхован, за что был награжден орденом Св. Георгия 4 ст.

19 октября у местечка Гельнгаузен корпус Платова атаковал неприятельский арьергард. В результате сражения было пленено более двух тысяч солдат и офицеров.

20 октября атаман с казаками преследовал неприятеля с боем от Ганау до Франкфурта, где население встретило казачьи полки криками: «Ура! Ура! Ура! Александр!»

В конце октября корпус Платова состоял из следующих полков (общей численностью 2.122 человека):

- 1) Атаманский;
- 2) Костина;
- 3) Чернозубова 5-го;

⁴⁴ «На всегдашнюю память будущих времен». Письма атамана Платова к императрице Марии Федоровне // Источник. 1993. № 4. С. 71.

⁴⁵ Письмо князя П.М. Волконского к графу М.И. Платову от 10 октября 1813 г. // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 294. Л. 7.

⁴⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года. СПб., 1840. Т. 2. С. 243.

⁴³ Война 1813 года: Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1914. С. 216.

- 4) Чикилева 1-го;
- 5) 1-й Тептярский;
- 6) Черноморский;
- 7) 3-й Оренбургский;
- 8) 11-й Башкирский;
- 9) 10 орудий донской конной артиллерии.

В начале ноября корпус Платова получил кантонир-квартиры и был разделен на две бригады – генерал-майоров князя Щербатова и Кайсарова. Атаман сдал командование первому из них и выехал в Главную квартиру во Франкфурте-на-Майне. Именно там 4 ноября он получил свою последнюю русскую награду – бриллиантовое перо (челенг) на шапку с вензелем императора. Рисунок пера утвердил лично Александр I в начале 1813 г. 17 апреля оно было изготовлено (стоимостью 16.600 рублей) и выслано из Петербурга в Главную квартиру, но получил его ата-

ман только спустя полгода⁴⁷. Рескрипта по этому случаю, как и орден Св. Андрея Первозванного, отыскать не удалось. Вероятно, эта награда была пожалована за заслуги в 1812–1813 гг.

Таким образом, к концу 1813 г. сбылись все честолюбивые мечты Платова. Прежде он завидовал двум своим землякам: генералу Ф.П. Денисову, удостоенному графского титула, и войсковому атаману В.П. Орлову, получившему бриллиантовое перо на шапку. Платову удалось заслужить обе награды, никто из казаков за всю историю войска Донского не удостоивался подобных почестей. А впереди были кампания 1814 г., вступление союзников в Париж, триумф в Лондоне.

⁴⁷ Письмо Д. Гурьева к графу Н.А. Толстому от 17 апреля 1813 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 130. Л. 187–187 об.

Н.А. ТРОИЦКИЙ

АНТИНАПОЛЕОНОВСКИЕ КОАЛИЦИИ 1813–1815 гг.: СМЫСЛ, ЦЕЛИ, ХАРАКТЕР

Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности

К. Маркс¹

Оценка наполеоновских войн, вынесенная в эпиграф к моей статье, дана мыслителем, репутация которого у нас в стране претерпела удивительную метаморфозу. В Советском Союзе К. Маркс слыл непогрешимым гением, тогда как на Западе он терялся среди многих – выдающихся, но не гениальных, – умов. Теперь же, в постсоветской России, он развенчан и принижен так, что даже цитировать его стало зазорным, а между тем по итогам вселенского опроса интеллектуальной элиты, который провела в 1999 г. авторитетнейшая на Западе телекомпания Би-би-си, именно Маркс занял первое место среди величайших мыслителей человечества за 100 лет².

Глубина и неоспоримость марксовой оценки всех войн против наполеоновской Франции для меня очевидны. Речь идет именно *обо всех*

этих войнах, включая самые агрессивные, самые несправедливые со стороны Наполеона – с Испанией в 1808–1813 гг. и с Россией в 1812 г. По большому счету, испанцы и россияне защищали тогда от Наполеона не только свою национальную независимость. Испанцы защищали от Кодекса Наполеона (Code Napoleon), бывшего тогда, в оценке (совершенно справедливой) того же Маркса, «бесконечно выше всех существовавших кодексов»³, феодально-клерикальный режим, королевский абсолютизм, инквизицию, а россияне – царское самодержавие и крепостное право, при котором почти 70 % населения, а именно помещичьи крестьяне, вообще не считались за людей, их можно было законно покупать и продавать, дарить, менять на собак, проигрывать в карты, калечить и даже (правда, уже не по закону) убивать⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 436.

² Об итогах этого опроса оповестили человечество фактически все мировые печатные и электронные СМИ и даже (сквозь зубы) некоторые российские, включая ЦТ.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 564.

⁴ См. впечатляющую и, к сожалению, малоизвестную публикацию документов: Ужасы крепостного права в царствование Александра Благословенного // Русский архив. 1907. № 9.